

Елена Гапова

Революция и гендерный контракт, или Может ли комсомолка отказать комсомольцу?

Опубликовано в журнале: «Неприкосновенный запас» 2008, №4(60): <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ga28.html>

Любая революция -- какие бы экономические и политические проблемы она ни была призвана разрешить -- всегда перестраивает лежащие в основе социального порядка отношения между полами. Они составляют самый элементарный уровень социального, и все остальные общественные взаимодействия надстраиваются над ними. Поэтому, когда изменяется конфигурация власти в целом, должны измениться и отношения между мужчинами и женщинами. Характерные для каждой эпохи взгляды на мужественность и женственность и на их воображаемую природу, на идеальное соотношение между ними, представления о том, как этому идеальному состоянию (не)способствует существующая или желаемая социальная организация, всегда включены в конструкцию общественной власти. Описать структуру идеальной семьи, распределить в ней роли кормильцев и иждивенцев, установить роль государства по отношению к ней; «позволить» женщине выйти за ее пределы, научно обосновав необходимость воспитывать детей дома или, наоборот, в детских учреждениях (а также решить вопрос их финансирования); внедрить систему социального обеспечения для ухода за больными и стариками, вписать в кодекс законов нормативную сексуальность -- означает определить общественное устройство. Поэтому все проекты переустройства мира -- социалистические или религиозные, модернизационные или традиционалистские -- предполагали и трансформацию отношений между полами.

Французская революция, формально обозначившая наступление в Европе эпохи *modernity*, ознаменовала выход на сцену истории новых общностей: буржуазных наций. Пришедшее на смену монархии, которая собирала народы и земли вокруг фигуры правителя, государство-нация воплощало иной объединительный принцип и осмысливалось философами Просвещения в категориях свободы, равенства, всеобщего блага, гражданства и морали. Однако, как указывает норвежская исследовательница Ида Блом, для отделения «цивилизованных» наций от тех, что пребывают в дикости, в рассмотрение национальной жизни включалась организация повседневности и частной сферы: сексуальности и воспроизводства, семьи и дома, одежды, еды и так далее^[1], то есть того, что было традиционно женской сферой. Энциклопедисты «запрещали» выход женщин за пределы определенной им сферы в публичное -- мужское -- пространство дискуссий об общественном благе или законотворческой деятельности. Великие просветители начиная с Руссо тщательно обосновывали принцип, согласно которому эмоциональная и не способная к принятию самостоятельных решений женщина должна быть

ограничена частным пространством семьи и дома под присмотром твердого и рационального мужчины: сначала отца, а затем мужа. В русской литературе эта идеальная модель буржуазного мужского субъекта представлена в гончаровском «Обломове», где «немец» Штольц, женившись на Ольге и взявшись развивать ее ум, «не чертил ей таблиц и чисел, но давал живую, общую картину знания». В буржуазных нациях нового времени исключенным на очень долгое время в большинстве стран Европы из категории гражданства (то есть прямых, не опосредованных мужчиной отношений с государством) женщинам полагалось заниматься биологическим и культурным воспроизводством.

Государство, которое взялась строить после революции и гражданской войны советская власть, помимо прочего, занималось решением двух задач: с одной стороны, создать социалистические нации на месте нескольких этнических и лингвистических ареалов, а с другой, -- решить «женский вопрос». Эти глобальные цели в некотором смысле противоречат одна другой. Формирование традиционных наций происходило при таком разделении публичного и частного пространств, в котором особую роль играла «национальная мать»: Руссо настаивал на пребывании женщины дома именно потому, что она должна была выполнять определенные для нее роли. У «запаздывающих» же наций Центральной Европы сознательная полька, чешка, немка или финка, находясь в частном пространстве дома, поет песни на родном (часто гонимом) языке, готовит национальную пищу, шьет национальную одежду (как выяснилось позже, часто «придуманную» интеллектуалами) и даже, в отсутствие национальной школы, учит детей грамоте, а когда приходит время, целует в лоб жениха, мужа или сына, благословляя их на священную войну «за родину». Таким образом, формирование наций одновременно означало воспроизводство традиционного социального порядка и модели семьи. Однако большевистский проект создания нового мира предполагал коренное изменение всех сфер жизни, в том числе отношений между полами и самого представления о том, что такое «женщина» (пересмотр «мужчины» был гораздо менее радикален). Советская власть стремилась вывести женщину в публичное пространство: в образование, профессию, работу вне дома и общественную деятельность, превратив ее в строительницу социализма. Без выхода женщины за пределы дома невозможно было осуществить вторую задачу: решить «женский вопрос», то есть вопрос равноправия мужчин и женщин.

Начиная с работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» марксизм видел причины угнетения женщин в классовом характере общества и в их общей экономической зависимости от мужчин. Бороться за достижение женского равноправия -- писала Александра Коллонтай -- «значит бороться против основ капиталистического строя, значит стремиться к уничтожению классового деления общества, значит очищать путь к новым формам общежития»^[2]. Подобно тому, как капиталист эксплуатирует и угнетает рабочего на фабрике, так и мужчина, присваивая неоплаченный

женский труд в семье или в хозяйстве, выступает угнетателем и эксплуататором. Только с уничтожением классов исчезнут причины порабощения женщин, а началом этого процесса должен стать вывод женщин в сферу товарного производства, политической и общественной активности и их участие в свободном труде, считали марксисты.

Межвоенная белорусская (и украинская) история дает возможность увидеть разворачивание двух «противоположных» национальных проектов: как социалистического, так и буржуазного. Как известно, согласно Рижскому договору 1921 года западная часть земель, относящихся к белорусскому языковому и этническому ареалу, отошла к Польше. Если в восточной Белоруссии в межвоенное двадцатилетие шло строительство социализма и формирование социалистической белорусской нации, которой, как считалась, октябрьская революция открыла дорогу к свету, то по другую сторону границы (проходившей в то время в 50 км к западу от Минска, через станцию Негорелое) жители западной Белоруссии составляли в буржуазной Польше («второй Речи Посполитой») компактно проживающее национальное меньшинство. Таким образом, (западные) белорусы находились приблизительно в тех политических условиях, которые были характерны для многих народов Центральной и Восточной Европы, боровшихся в XIX веке за национальное признание в составе полиэтнических империй. Обращение к этим проектам позволяет увидеть, каким образом оказываются соположены национальный и гендерный порядки, а также как различные национальные проекты структурируют формы публичной и частной жизни и коллективных идентичностей в соответствии со своими политическими целями.

Советская Белоруссия: «Не победить нам, если мать, сестра и дочь не станут в строй...»

Разделение территорий бывших империй по национальному признаку всегда означает наложение политических идей на реальную «человеческую географию», поэтому вопрос о том, почему советское правительство приняло решение о создании Белорусской Советской Социалистической Республики, стал предметом дискуссии. Последние переделы границ на землях Восточной и Центральной Европы, происходившие еще до екатерининских разделов Польши, не устраивали новые элиты как на бывших «национальных окраинах», так и в бывших и новых столицах. Еще в ходе Первой мировой войны Вудро Вильсон, а чуть позже Ленин провозгласили принцип национального самоопределения. Западные державы стремились провести в Европе «справедливые границы», совпадающие с расселением этнических общностей, для чего требовалось выработать критерии для отделения их друг от друга, наделив одни народы государственной независимостью, а другие определив в состав многонациональных образований.

Белоруссия -- бывший Северо-Западный край Российской империи, где в течение XIX века произошло несколько антироссийских восстаний, вызвавших

значительные репрессии, закрытие высших учебных заведений и массовые высылки, -- представляла собой местность с преимущественно сельским населением. В российском литературном воображении этот край воплощал, очевидно, «высокорослый, больной белорус» из знаменитого стихотворения Некрасова. Имперскими элитами белорусский язык воспринимался как диалект низкой, ограниченной крестьянской культуры -- в соответствии со статусом его носителей. Культурный потенциал времен Великого Княжества Литовского, когда на старобелорусский была переведена и напечатана Библия (1517) и написаны Статуты (своды светских законов), а также версия «Тристана и Изольды», не реализовался. Великое Княжество Литовское не трансформировалось в государство нового времени с белорусским языком в качестве «странообразующего», и к XX веку он был языком крестьян и очень небольшого круга национальной интеллигенции. В 1900 году горожане, составлявшие в Северо-Западном крае лишь 13% населения, говорили в основном на идише, по-польски и по-русски, а «крывѣцкая Мекка» -- Вильня (ныне Вильнюс), которую белорусы считают колыбелью своей национальной идеи (а поляки, соответственно, своей), после 1921 года оказалась оторванной от белорусских земель. Некоторые историки полагают, что ключевую роль для признания белорусов нацией, заслуживающей статуса союзной республики, сыграл факт существования Белорусской Народной Республики (БНР), провозглашенной исполкомом Всебелорусского съезда во время немецкой оккупации в марте 1918 года. Просуществовав всего несколько месяцев, она была ликвидирована большевистскими властями. Практически все деятели, связанные с БНР и не уехавшие в эмиграцию, были впоследствии, во время сталинских «чисток» 1930-х годов, уничтожены, однако она считается первым белорусским государством нового времени, без которого решение о создании Белорусской ССР могло быть и не принято.

Строительству социалистической Белоруссии предстояло развернуться на территориях, где с 1914 года шла война. Они неоднократно переходили из рук в руки (к немцам, полякам, большевикам и обратно), а значительная часть населения превратилась в беженцев. Период начавшегося вскоре нэпа часто описывается как время «золотого советского червонца» и сравнительного благополучия, однако это было также и время острой безработицы, вызванной уходом сельских жителей в города, массовой проституции и так называемого «беспризорного материнства». В отчете женотдела ЦК компартии Белоруссии за 1925 год отмечалось: «В то же время надо отметить рост женской безработицы, главным образом за счет деревни...», а в докладной записке давалась характеристика текущего момента:

«Основной кадр безработных женщин является неквалифицированной рабочей силой, главным образом выходцы из деревни, местечек, что объясняется громадной аграрной перенаселенностью деревни (40%) и разоренностью местечка и кустарного населения в городе. Кроме этих моментов, мы имеем поток перебежчиц из Западной Белоруссии и беженцев из СССР, стремящихся на родину, в Западную Белоруссию, и

застревающих в наших городах. Большой процент (до 30) безработных женщин, зачисленных на биржах, составляют матери-одиночки с малолетними детьми без крова и пристанища...»[\[3\]](#)

Построение социализма, представлявшее собой проект ускоренной модернизации, на начальном этапе означало борьбу с разрухой, голодом и бедностью. Освобождение женщин, естественно, включалось в задачи, поставленные перед республикой. С одной стороны, женщины являлись необходимой для социалистического строительства рабочей силой, особенно учитывая мужские потери в войне. В агитационных материалах женотдела ЦК КП(б)Б -- специальной структуры, созданной в 1918--1920 годах для решения женского вопроса, -- к 8 марта 1926 года предлагались стихи:

Не победить нам, если мать,

Сестра и дочь не станут в строй

И не сумеют управлять

Своей советскою страной[\[4\]](#)

С другой стороны, если женщины -- половина, а то и большая часть населения - безграмотны и заключены в пространство патриархальной жизни, на них невозможно распространить новую идеологию, которая останется для них невидимой и станет тормозом социалистического строительства. Женщины в принципе считались более сложным материалом для социальной инженерии, чем мужчины, так как российские революционеры издавна видели в них более отсталый элемент, погруженный в частную сферу. Вот что пишет американская исследовательница Элизабет Вуд:

«Мужчина мог служить в армии; он мог ездить на поезде; он мог бывать в городе. Но... женщины оставались тесно связанными с традиционной сельской жизнью, даже если попадали в город, поэтому они в большей степени были неграмотны, суеверны, религиозны и привязаны к старому жизненному укладу»[\[5\]](#).

Таким образом, задача социалистического преобразования жизни и освобождения женщины были взаимосвязаны, а представление об этих задачах как практических уходит своими корнями в марксистскую точку зрения на причины социального неравенства. В отличие от «буржуазных» теорий, которые видели причины мирового зла в самой природе человека, марксизм считал, что люди являются продуктами социальных обстоятельств и

порожденных ими общественных пороков. Если изменить условия жизни, устранить зло и несправедливость, люди также изменятся.

О решении «женского вопроса» в СССР в межвоенное двадцатилетие по-русски написано гораздо меньше, чем заслуживают эти теоретические и практические поиски новых представлений о социальной справедливости и организации жизни. Серьезное изменение отношений полов требует переосмысления первостепенных вопросов, тех, которые связаны с регулированием сексуальности и распределением ресурсов. Правительство, озабоченное равенством мужчин и женщин, вынуждено было думать о сохранении семьи, если женщина работала вне дома, обеспечивать доступные (то есть дотированные) услуги по присмотру за детьми (либо допустить классовое неравенство, при котором бедные женщины присматривают за детьми более обеспеченных) -- ведь без этого невозможно ни воспроизводство населения, ни женское участие в общественном производстве. Я уже не говорю о таких задачах, как организация общественного питания и бытового обслуживания; контроль над телесными практиками и их эффектами: браком, разводом, нежелательными беременностями; об организации деторождения, о новых подходах к телу (в сущности, о семантике красоты, моды, женственности).

Эти проблемы, поставленные западными феминистками в конце 1960-х, были впервые сформулированы в советское межвоенное двадцатилетие, когда осуществлялся форсированный приход женщин в сферу оплаченного труда. В 1924 году Первый съезд работниц и крестьянок Белоруссии внес в повестку дня, наряду с неперменным пунктом «О международном и внутреннем положении СССР и укреплении Белоруссии» (как же без этого!), также «Вопросы просвещения в деревне» и доклад «О работе среди крестьянок и батрачек, задачи комсомола среди девушек»^[6]. Стратегической целью середины 1920-х была объявлена ликвидация неграмотности: в сельской местности на тысячу человек грамотных мужчин было 215, а женщин -- 70. К началу 1930-х годов повсеместно организовывались школы для взрослых и «ликпункты», которые старались вовлечь в учебу сельских женщин.

С одной стороны, без грамоты невозможно овладение современными профессиями и вовлечение в общественное производство, с другой, посредством чтения и введения обязательного образования производится идеологическая обработка. Это очевидно при анализе текстов, которые использовались в 1920-е годы для обучения взрослых. Это отчетливое присутствие в учебных текстах идеологических программ позволяет делать вывод (особенно распространенный в западной славистике) о том, что целью советской власти было не равноправие женщин, а усовершенствование технологии власти. Однако одно не противоречит другому, так как образование, умножая возможности профессиональной занятости, объективно ведет к улучшению социального положения. Не случайно в одном из первых номеров женского журнала «Белорусская работница и крестьянка», который начал выходить на белорусском языке в 1924 году, был помещен лозунг: «Учиться

шитью и грамоте!» -- предполагавший *объединение* женщин, обучение их коллективности посредством участия в кружках.

Перемены в деревне происходили не очень быстро, и причина этого состояла в глобальном характере намеченных изменений. Чтение, если иметь в виду не просто технический процесс составления букв в слова, подразумевает нормативную трансформацию, ломку старых канонов, создание новой практики, прежде недоступной для крестьянок. Современный феминистский философ Элен Сиксу, осмысливая значение практики чтения для женщин, пишет:

«Чтение... вовсе не такая безделица, как принято считать. Сначала надо похитить ключ от библиотеки. Чтение -- это провокация, вызов... Читать -- это поедать запретный плод, любить запретной любовью, сменять эпохи, сменять семьи, сменять судьбы».

Для чтения надо сначала обрести ту самую «свою комнату», о которой Вирджиния Вульф писала в знаменитом эссе 1929 года, понимая под нею пространство, где женская интеллектуальная жизнь не только физически возможна, но и социально приемлема. Постепенно сельские женщины -- в основном молодые -- входили в новое пространство клуба или избы-читальни, то есть публичной (а следовательно, «мужской») жизни; они были допущены туда как ищущие освобождения работницы и крестьянки. Тем не менее, в 1920-е годы отцы и мужья нередко пытались удержать их от посещения курсов или участия в кружках. Такое поведение рассматривалось в патриархальной общине как «неприличное». Выйдя в *публичное* пространство, женщина как бы становилась «ничьей», не принадлежа более какому-то конкретному мужчине, а женская автономия, принадлежность самой себе, была так непривычна, что известны случаи, когда приехавшую из города для проведения лекции активистку звали «пойти любиться», полагая, что в этом и состоит ее функция.

Однако истинная суть конфликта, где происходило нарушение границ частного и публичного, состояла в разрушении традиционного социального порядка посредством изменения способа производства и социальных ролей его участников. В крестьянском хозяйстве женщина выполняла как репродуктивную функцию, так и производительную. В отличие от городских «буржуазок», сельские женщины работали «всегда», будучи вовлечены в производственный процесс еще до коллективизации. Однако при социализме семейное сельскохозяйственное производство должно было быть заменено общественным, что подразумевало изменение всей социальной структуры, а также организации жизни. Необходимость перехода к коллективному производству вызывалась и культурной причиной: считалось, что у крестьян, в отличие от промышленного пролетариата, нет коллективистского сознания, причем у женщин в большей степени, чем у мужчин.

Чтение и те изменения, которые за ним стояли, означали выход в новый мир, «обретение голоса», и не случайно язык первых белорусских женских изданий так неуклюж:

«Ликпункт открылся в колхозе “Рассвет новой жизни”. Все женщины посещают занятия... Все женщины обязались до 1 Мая ликвидировать свою неграмотность. Учитель тов. Новик очень хорошо развернул культработу среди женщин».

Дело не только в том, что сама норма белорусского литературного языка в тот момент еще только формируется, но и в самом введении в публичную дискуссию новых тем: женской грамотности, детских яслей и садов, беспризорных детей и матерей-проституток, ударного труда, выборов женщин в советы, мужского пьянства и преимуществ родильных домов перед бабками-повитухами. Язык нового времени еще не знает, как об этом говорить, тем более, что журнал предлагает женщинам заговорить самим, став рабкорами и селькорами. Он публикует специальные памятки: «Как стать селькорками» (по-белорусски) и «Как стать рабкорками» (по-русски).

Письма женщин в журналы подчиняются одной схеме: как я жила до революции (описываются бедность, побои, неграмотность, закабаленность, пьянство мужа) и что мне дала советская власть. Именно «письма снизу» демонстрируют включение тела и сексуальности (роды, аборт, браки, разводы, «романы» и так далее) в социальные преобразования. При модернизации жизнь человека меняется таким образом, что ни одна ее сфера не остается вне контроля. Обычно контроль общества над личным осуществляется непрямым образом: посредством медицины, моды, спорта и тому подобного, однако во время революции интимное политизируется непосредственно, и государству становится интересно, кто, грубо говоря, с кем спит или, наоборот, не должен спать (например, с «классово чуждыми элементами» -- вспомним пьесу «Любовь Яровая» и рассказ Лавренева «Сорок первый», имеющие своей темой «личное как политическое»).

Организация в Москве и Петрограде домов-коммун, где революционные интеллектуалы пытались организовать общий быт и жизнь по-новому, является еще одним примером политизации личного. В популярном воображении бытует точка зрения, что послереволюционные годы связаны с небывалой сексуальной свободой и новыми «коллективными» формами семьи, в духе дискуссии «Может ли комсомолка отказать комсомольцу». Хотя революция, повлекшая за собой слом всех традиционных устоев жизни, означала трансформацию сексуального порядка, однако затеи столичной богемы кардинально отличались от быта крестьян или жителей местечек, где подчинение индивидуальных тел коллективному правилу происходило в других формах: в развитии и доступности медицины, разрешении медицинского аборта; появлении «моды», оставляющей ноги и руки открытыми; распространении спорта (то есть возможности по-новому пользоваться телом, а также смотреть на тело);

введении законодательных норм, направленных на охрану материнства и детства; организации детских садов и яслей.

С течением времени в советском символическом пространстве Белоруссия начала рисоваться как новая национальная республика, равная среди равных, обладающая полной грамотностью населения, развитой экономикой и механизированным сельским хозяйством. Советская концепция равноправия исходила из того, что новая женщина должна овладеть теми же профессиями и навыками, что и мужчина. Для женщин организовывались спортивные секции; литература и кинематограф пропагандировали образы сильных и веселых комсомолок-спортсменок; проводились компании по призыву женщин на работу в милицию; с конца 1920-х и вплоть до 1941 года молодые женщины обучались основам военного дела и участвовали в соревнованиях «ворошиловских стрелков». Они, как и мужчины, должны были быть всегда «готовы к труду и обороне социалистической родины». Они оказались готовы: во Второй мировой войне участвовало 800 тысяч советских женщин (больше, чем когда-либо в какой-либо другой армии) -- не только поварих и санитарок, но и пилотов ночных бомбардировщиков и истребителей, водительниц танков, снайперов, подрывниц, радисток, подпольщиц, врачей и переводчиц. Это является одним из результатов советской гендерной политики.

Что же касается женотделов, то они были упразднены в 1929 году -- одновременно с массовой коллективизацией, ликвидацией нэпа и общим ужесточением партийной политики -- формально ввиду того, что выполнили свою функцию. Однако существует мнение, что их философия женского вопроса начала расходиться с линией партии, которая постепенно становилась все более консервативной.

Западная Белоруссия: воспитание гражданки

В межвоенный период (1921--1939) территория Западной Белоруссии входила в состав Польской республики, чья конституция 1921 года гарантировала представителям национальных меньшинств свободу вероисповедания, слова, прессы и образования на родном языке. Однако практика создания национального государства, впервые за без малого сто пятьдесят лет получившего возможность объединения, уничтожила многие либеральные иллюзии, приведя к ограничительным (а часто и репрессивным) мерам в отношении меньшинств. Белорусы, в основном крестьяне или обедневшая шляхта (так называемые «однодворцы»), составляли, согласно одной из переписей, 1,5 миллиона человек, согласно другой, -- 2,4 миллиона^[7]. Их национальное чувство было обострено вследствие экономического неравенства и культурного притеснения; интеллигенция и буржуазия белорусского происхождения нередко ассимилировались в обладавшую более высоким статусом польскую культуру.

Белорусская идея в Польше в этот период существовала в рамках двух различных политических и культурных концепций. С одной стороны, она связывалась с социалистическим идеалом, что непременно предполагало объединение восточной и западной Белоруссии в рамках СССР. С другой, ее отстаивали группы, которые настаивали на создании собственного белорусского независимого государства. Эмансипация женщин не считалась первостепенной задачей ни у одной из сторон, однако партии социалистической ориентации рассматривали и национальное, и женское угнетение как разновидность классового. Женский вопрос (требование 8-часового рабочего дня, отпуска по беременности, яслей и школы на родном языке и так далее) был значим в качестве аргумента в пользу соединения с восточными белорусскими землями в составе СССР.

Концепция женской роли виделась совершенно иначе теми деятелями, кого в течение долгого времени было принято называть «буржуазными националистами». Многие из них, когда-то провозгласившие БНР и оказавшиеся за рубежом после установления границ 1921 года, так никогда и не признали советскую Белоруссию^[8]. Для этих «крестьянских демократов» -- выходцев из крестьян или мелкой шляхты, поэтов, этнографов, языковедов, учителей, историков и краеведов -- предметы материальной культуры, фольклор и особенно язык были объединяющим свидетельством исторической непрерывности белорусской нации и сохранения ее корней в народе. Женщины, входившие в состав этой интеллектуальной элиты (часто жены или дочери деятелей национального возрождения), видели свою роль в развитии и поддержании национального единства в рамках чужого проекта национального государства.

Сознательные «дочери нации» видели национальный идеал гражданки скорее в *служении* национальному сообществу, чем в решении «женского вопроса». Например, статут Белорусского женского кружка в Литве провозглашал:

«Целью этого кружка является:

- а) объединение женщин белорусской национальности в областях: национальной, культурно-просветительской и экономической;
- б) помощь как материальная, так и своими силами белорусским организациям, а также отдельным белорусам.

Для достижения этих целей кружок имеет право: согласно с существующими законами открывать столовые, мастерские, библиотеки, читальни, организовывать публичные лекции, устраивать семейные, литературные и музыкальные вечера, спектакли, балы, маскарады, устанавливать специальные стипендии, оказывать помощь, делать сборы, организовывать лотереи, базары.

Белорусский женский кружок в Литве намерен добывать средства продажей цветов, организацией вечеров и сбором денег через пожертвования. [...] Решено также ставить спектакли»[\[9\]](#).

В 1931 году созданное в Вильно «Объединение белорусских женщин имени Алоизы Пашкевич (Тетки)» начало издавать журнал «Жаноцкая справа» («Женское дело»). Вышло только три номера: очевидно, на продолжение не было денег. Цель издания, которое делала группа интеллигенток, состояла в мобилизации сельских женщин и жительниц местечек и объединении их вокруг национального идеала, однако сначала этим женщинам необходимо было объяснить, кто же они такие.

Вопрос осознания национальной принадлежности «возрожденцы» считали самым важным, так как крестьянское население белорусско-литовских этнических территорий в значительной мере «не имело имени»: жители ощущали свое отличие от русских и поляков (обычно имевших другой социальный статус), от евреев (исповедовавших другую религию), в то время как средневековое название «литвины» (связанное с Великим Княжеством Литовским) постепенно вышло из употребления или стало относиться к литовцам. Названия «Беларусь/белорусский» хоть и являются древними, но достаточно размытыми, и простые люди называли себя «тутэйшыми» («здесьними»), возможно, не имея необходимости в «имени» в отсутствие собственного политического проекта. В первом же номере «Жаноцкая справа» публикует статью о жизни поэтессы, деятельницы национального возрождения, умершей от тифа в 1916 году, Алоизы Пашкевич (Тетки) и разъясняет читательницам основы национального самоопределения, согласно которым язык считается маркером национального различия и, следовательно, существования нации: «[Она] окончательно поняла, что тот, кто говорит по-тутэйшому, говорит по-белорусски, а значит, он и есть белорус. С этого момента все сомнения Тетки, к какому народу себя причислить, разрешены»[\[10\]](#).

Чтобы войти в круг европейских наций, белорусы должны были отстаивать свою историю, фольклор и материальную культуру, и журнал разъяснял:

«"Золотые" слуцкие пояса, сделанные руками наших прапрабабок-белорусок, известны на весь мир. Вот и теперь, разве наши ткани с нашими узорами не вывозятся за границу? Разве не награждаются медалями на выставках? Однако, к сожалению, не как белорусские ткани, а под теми или иными названиями, как ткани Виленщины, Новогрудчины или "людовэ", кобринские "вэлняки"; о тех же, чьими руками они сделаны и какому Народу принадлежат их узоры, никто и не знает. Ведь у каждого Народа есть свои песни, свои узоры, своя национальная одежда и свой язык, который должен быть для него самым красивым и милым, потому что это его богатство, которое досталось в наследство от его дедов-прадедов, и никто не в силах отобрать у него это сокровище»[\[11\]](#).

Слущкие тканые пояса являются свидетельством материальной культуры, но еще важнее язык, главное «свидетельство» нации согласно традиции европейского романтического национализма. Фольклор и история «принадлежат» тому воображаемому сообществу, чьим именем называются. Трансформируясь в «украденный» национальный идеал, они становятся политической декларацией, и поэтому «тутэйшее» должно уступить место «белорусскому».

Патриотически настроенные интеллектуалы всех народов, прошедших в новое время через борьбу за независимость, видели, вслед за Руссо, в женщине «мать нации». Отвечая за культурное воспроизводство национального сообщества, женщина должна быть образованна и сознательна: «Какой будет женщина -- мать каждого Народа, таким будет и будущее поколение этого Народа, потому что воспитание детей лежит в руках матери»^[12].

Матери (а не социальные программы, как в БССР) несут ответственность за состояние детей: их невежество может стать причиной заболевания, и потому журнал дает несколько советов по уходу за младенцами, но всего важнее женская роль в той культурной битве, которую англоязычная традиция называет «битвой у колыбели». По мере того, как белорусские школы переводилось на польский язык обучения, ответственность за овладение грамотой на родном языке возлагалась на семью. Журнал призывал: «Мать! Постарайся, чтобы твои дети читали и писали по-белорусски!»

Интеллигенция мечтала о включении в европейскую модерность, о национальном публичном пространстве, в котором простые, но образованные женщины читают книги на родном языке, ставят спектакли, иными словами, -- сохраняют и передают национальную культуру:

«Сестры! Постарайтесь, чтобы в вашей деревне была белорусская библиотека. Если она есть, ходите туда читать белорусские книжки и зовите с собою своих несознательных подруг! Каждая сознательная белоруска должна выписать белорусский журнал “Жаноцкая справа”, читать его своим подругам и писать туда заметки... Девчата! Начали ли вы готовиться к организации белорусского спектакля в своей деревне на Пасху?»

Авторы журнала открывали белорусские классы и организовывали кружки, хоры и театральные постановки, писали стихи для детей на родном языке и составляли первые белорусские «читанки», открывали столовые для бедных, работали в приютах и собирали деньги для политзаключенных. Переноса «материнские обязанности» в публичную сферу, они мечтали о женском служении; роль, которая отводилась им (мужскими) национальными объединениями, предполагала скорее прислуживание. Протокол заседания Белорусского женского кружка в Ковно (ныне Каунасе) свидетельствует:

«Крестьянское объединение обращается к вам с просьбой помочь в продаже билетов на бал-маскарад, который устраивается в пользу арестованных белорусов в польских тюрьмах, а также взяться за организацию буфета»^[13].

В заключение

Проекты женской эмансипации -- порождение революций, -- какую бы форму они ни принимали, существуют не сами по себе, а в обязательном пересечении с классовым, национальным, антиколониальным либо каким-то еще (в зависимости от исторического момента) проектом. Их главная интрига, таким образом, всегда состоит в том, как «освобождение женщин» будет соотноситься с новым социальным порядком: на каких ролях, с какими целями и под аккомпанемент каких лозунгов. Через десятилетия после описанных событий, уже в постсоветскую эпоху, встает вопрос о восстановлении «нормального», с точки зрения либеральной демократии, разделения на публичную и приватную сферу и, соответственно, «нормализации» гендерного порядка. Правда, для одних он означает возвращение женщин к их воображаемому «истинному предназначению», в то время как для других -- достижение женской автономии и создание условий для равноправной самореализации.

^[1]Blom I. *Gender and Nation in International Comparison* // Blom Ida, Hagemann Karen, Hall Catherine(Eds.). *Gendered Nations. Nationalism and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford; NewYork, 2000. P. 5.

^[2]Коллонтай А. *Женщина-работница в современном обществе* [1909] // *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А. Коллонтай* / Сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Тверь: Феминист-пресс, 2003. С. 24.

^[3] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 9. Д. 76. Л. 103--105. Публ.: Курков И. «Безработица является поводом для проституции» (Из документов женотдела ЦК КП(б)Б 1920-х гг.) // *Женщины на краю Европы* / Под ред. Е Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 137.

^[4] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 9.

^[5]Wood E. *The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Indiana University Press, 1997. P. 15.

^[6] НАРБ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 7.

^[7]Davis N. *God's Playground. A History of Poland*. Columbia University Press, 1982. Vol. II. P. 404.

^[8]Рада (Совет) БНРизбирается канадско-американской диаспорой до сих пор.

^[9] НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 121.

^[10] Жаноцкая справа. 1931. № 1. С. 3.

^[11] Там же. С. 8.

^[12] Там же. С. 5.

^[13] НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 121.